

СТРАННЫЕ ЛЮДИ

Алена
РОМАНОВА

Фото Ларисы КАМЫШЕВОЙ

На крыше отеля «Мариотт» на Тверской шла пресс-конференция модного столичного писателя. Хорош собою. Напряжение в голосе. Печаль в глазах. Ироничная усмешка. Журналисты в восторге...

Еще бы! Эта роль как нельзя больше подходит Александру Балуюеву, как бы продолжая серию его странных, измученных противоречиями героев в «Мусульманине», «Му-му», в театре... Модный писатель – из нового фильма Егора Кончаловского «Странник». В последнее время Балуюев не частый гость в Москве и на российском экране. Хотя это и удивляет: ведь он – актер редчайшего для современного поколения темперамента и драматизма. В нем удивительно и естественно сочетаются мужественность, ум, красота, человеческое достоинство. Впрочем, за отсутствием новых российских картин поклонники Балуюева могут порадовать себя голливудскими с его же участием – «Миротворец» и «Столкновение с бездной».

БАЛУЕВА

– Саша, как себя чувствует русский актер за рубежом?
– Плохо чувствует. Мы – не главные гости на чужом празднике.

– Тяжело работать со звездами – Джорджем Клуни и Николь Кидман?

– Скорее это можно назвать профессиональным трепотом. Нужно сказать, мне повезло. Я не встречался с испорченными славой актерами, все профессионалы в большей или меньшей степени, отношения на площадке и вне ее нормальные. Американские звезды входят в заданный «образ» только в рамках рекламных кампаний. В жизни они обычные ребята.

– Почему именно вас взяли в Голливуд?

– Не знаю. Ясно одно: нужен был неплохой русский актер с ярко выраженными национальными чертами. К бизнесу лично мое присутствие не имело никакого отношения. Это не обидно. Нужно реально смотреть на вещи. Ждать, что завтра нас позовут в Голливуд, вложить миллионы в рекламу и предложат главную роль в фильме высшей категории, просто глупо. В творческом отношении голливудская практика не дала мне ничего особенного. А вот в области организации кинопроизводства, технологий – очень много. Жаль, что воспользоваться этим опытом у нас вряд ли придется.

– Как относились к вам американцы?

– Они приветливы, улыбки, ничего не знают и знать не хотят про нас. Абсолютно самодостаточны.

– Работа в Голливуде прибавила уверенности в себе?

– Нет. Потому что у меня нет надежды на то, что русская киноиндустрия будет в ближайшие годы развиваться. Ушли старые кадры, а новых либо нет, либо им негде работать. Это угнетает. Выброшено целое поколение людей.

– Вы играли и социальных героев, и «странных людей». Кто вам ближе?

– «Странные люди», конечно. Всякую социальщину ненавижу. Я учился в Школе-студии МХАТ у Павла Владимировича Массальского. Мой первый спектакль – «Утиная охота», пьеса, населенная «странными людьми». И у меня была роль «пограничного» человека.

– Не боитесь застрять в мире пограничных состояний?

– Иногда испытываю страх. В реальной жизни не люблю катаклизмы, перевороты, кризисы, любые эмоциональные потрясения, даже если они положительные. Не люблю ничего экстремистского.

– Психологи утверждают, что именно застенчивые люди часто избирают себе публичные профессии. Вы согласны?

– Я до сих пор противник актерских аксессуаров в личной жизни. Ненавижу фотографироваться. Чувствую себя неестественно, глупо, неловко. Другое дело – на съемочной площадке перед камерой, где мое присутствие мотивировано.

– Почему вы десять лет не снимались в кино?

– Несколько раз приглашали на пробы, но они заканчивались ничем. Мой друг Олег Меньшиков уже снимался. Я не считал себя хуже. Но судьба словно отводила меня от этой категории.

– Почему каторги?

– Лена, вы же работали на «Мосфильме» и знаете, что съемочный процесс в нашей системе кинопроизводства может привлечь только человека несведущего. Первые два-три фильма я сходил с ума от чудовищной неорганизованности, неуважения к актеру и непрофессионализма. Я совершенно не понимал, зачем приводить актера на студию в восемь утра, если съемка началась в четыре вечера.

– Но что же вас держит?

– Азарт, кураж: смогу или не смогу. Особенно в Голливуде. Когда «не смочь» невозможно, а степень неуверенности очень большая.

– Вас не узнают на улицах не только в Голливуде, но и в России. Не обидно?

– Нет. Значит, я не повторяюсь в своих ролях.

– Почему вы согласились сниматься в «Му-му» Грымова?

– У Грымова репутация изобретательного, талантливого человека. Переговорив с ним, я почувствовал, что это может быть интересно. И считаю, он не ошибся в концепции фильма.

– О чем вы думали, играя Герасима?

– О том, что он не должен вызывать сочувствия. Ничего хорошего в нем нет: сначала любимую девушку отняли, потом любимую собачку. И он покорно все сносит, не протестуя против самодурства барыни. Я противник рабства в любых его проявлениях. Но меня тревожит другое в русском человеке – отсутствие внутренней тяги созидать, строить. Разрушать – это пожалуйста.

– А вам самому удастся созидать?

– Я поставил себе задачу-минимум: хотя бы не разрушать. Почувствовал в себе, как и каждый из нас, наверное, огромную разрушительную силу и пошел в церковь. Случилось это прямо во время съемок «Мусульманина» в рязанской глубинке. Фильм, затрагивающий острые проблемы нашего бытия, веры и безверия, терпимости и насилия, любви и ненависти, послужил определенным толчком. Меня там же крестили в церкви, батюшка благословил.

– Вы играете «одиноким волком». А как же любовь?

– А что любовь? Или она есть, или ее нет. Вся драматургия строится на двух этих состояниях. Если даже ролью не предусмотрен объект любви, то тебе надо его придумать. Вот у Егора Кончаловского моему странному писателю приходится вступать в сложные любовные отношения с молодой журналисткой (Амалия Мордвинова).

– Правда, что в довольно откровенных любовных сценах вы, «войдя в образ», несколько помяли хрупкую Амалию?

– Ну что вы! Я обращался с ней максимально бережно. Хотя имитировать сцену животной страсти довольно сложно, несколько раз ей пришлось соприкоснуться с капотом машины, но, уверяю вас, несильно. Она не обиделась на меня. Мы расстались друзьями. Хотя практически все эти сцены режиссер вырезал при окончательном монтаже.

– Значит, вы – человек без комплексов?

– Нет! Вот уж это чудовищно. Кроме того, у меня не-большой опыт постельных сцен на экране.

– А в жизни тоже?

– Без комментариев.

